

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-1-11-30>

Научная статья / Research article

Российское военное строительство на фоне милитаризации стран союзников и противников и его испытание войной

И.В. Волкова

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»; 105066, Россия, Москва,
Старая Басманная улица, 21/4, стр. 3; wolkowa-irina@yandex.ru

Russian Military Construction Against the Background of Militarization of her Allies and Opponents, and its Trial by War

Irina V. Volkova

National Research University “Higher School of Economics”;
21/4, p. 3, Old Basmanaya St., Moscow, 105066, Russia; wolkowa-irina@yandex.ru

Abstract: The author analyses Russian military reforms of the late 19th and early 20th centuries and their influence on the efficiency of the army and the behavior of the lower ranks in military action. Strategic failures of the national army in the early twentieth century are explained by the fact that even in the modernized armed forces military service was not the same for all groups of citizens. These aspects of the Russian experience are compared to military reforms among the Great War’s other belligerents. The notion of the military as ‘the armed nation’ came in two variants. In Great Britain, the 1916 law on universal conscription and the effective mobilization of the civilian population became possible due to the high levels of public support for the political system, the proclaimed values of their country, and a national-civil identity. The German model, by contrast, was built on the foundation not of political integration but of the nation’s identification with its army. Russia chose this model but was unable consistently to implement it, primarily because of the extremely low literacy rate among the lower social classes. The low quality of recruits made it necessary to maintain long periods of service for most of the lower ranks. This resulted in a lack of loyalty on the side of the conscripts, and in a negative attitude not only towards military service but also towards the state that established the heavy standards of military duty. The feeling of social injustice was reinforced by the spartan regime that lower class soldiers encountered, while well-educated conscripts – as a rule, from the upper strata of Russian society – were treated better. This discontent increased during the unsuccessful war, further alienating the mass of the conscripts from autocracy and its army.

Keywords: armed people, conscription, identification with the army, militarization

For citation: Volkova, Irina V. “Russian Military Construction Against the Background of Militarization of Allies and Opponents and its Trial by War.” *RUDN Journal of Russian History* 18, no. 1 (February 2019): 11–30. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-1-11-30>

Введение

Тема военного строительства индустриальной эпохи сформировала большую историографию, которая продолжает непрерывно пополняться и в настоящее время как в России, так и в странах, входивших в Антанту и Четверной союз. Большая часть этой массы исследований сосредоточена на проблематике создания и реформирования национальных вооруженных сил и вращается вокруг традиционных для военной историографии принципов комплектования, обучения, вооружения, материально-технического обеспечения войск, соотношения своего боевого потенциала с потенциалом противника. При этом, как правило, упускаются из виду показатели, которые не менее существенны для оценки меры успешности военного строительства. К ним относятся схемы поведения военнослужащих на полях сражений, интериоризированные ими в процессе подготовки образцы воинской доблести, резистентность к вражеской пропаганде, мотивация и психологический ресурс выполнения воинского долга. Эти аспекты входят в предметную область военно-исторической антропологии – сравнительно нового раздела исторических знаний, активно развивающегося в современной историографии. Созданные в его рамках труды Е.С. Сеньявской, А.С. Сеньявского, В.В. Лапина, О.С. Поршневой, А.Б. Асташова, Д. Байрау, Б. Меннинга, П.Г. Култышова¹ и других авторов во многом расширяют диапазон

¹ Байрау Д. Империя и ее армия // Новый часовой. 1997. № 3. С. 19–39; Сеньявская Е.С. Человек на войне. Историко-психологические очерки. М.: ИРИ РАН, 1997; Она же. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М.: РОССПЭН, 1999; Сеньявская Е.С., Сеньявский А.С., Жукова Л.В. Человек и фронтовая повседневность в войнах России XX века: очерки по военной антропологии. М.; СПб.: ИРИ РАН, 2017; Сеньявский А.С., Сеньявская Е.С. Историческая память о войнах XX века как область идейно-политического и психологического противостояния // Отечественная история. 2007. № 2. С. 139–151; № 3. С. 107–121; Лапин В.В. Армия в империи – империя в армии: организация и комплектование вооруженных сил России в XVI – начале XX в. // Ab Imperio. Теория и история национальностей и национализма в постсоветском пространстве. Т. 4. 2002. С. 109–140; Асташов А.Б. Русские солдаты и Первая мировая война. Психоисторическое исследование военного опыта // Социальная история. Ежегодник 2001/2002. М.: РОССПЭН, 2004. С. 399–425; Она же. Русский крестьянин на фронтах Первой мировой войны // Отечественная история. 2003. № 2. С. 72–86; Поршнева О.С. Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М.: РОССПЭН, 2004; Култышов П.Г. Русская армия в Первой мировой войне. Историко-антропологический аспект. Ростов-на-Дону, 2010; Меннинг Б.У. Пуля и штык. Армия российской империи. 1861–1914. М.: Модест Колеров, 2016.

представлений об армии как о социальном институте и об антропологическом измерении российских войн, включая Первую мировую. Однако этот круг исследований по большей части основывается на российском историческом материале. Между тем раздвижение географических рамок и исследование феноменов отечественной военно-исторической антропологии в соположенном им ряду фактов мировой истории позволяет увидеть тенденции, незаметные или мало заметные при их изолированном изучении. Это в полной мере относится к опыту создания массовых армий второй половины XIX – начала XX в., который во многих отношениях предопределил ход и результаты Первой мировой войны для каждой из ее участниц. Предметом данной статьи является российское военное строительство, рассматриваемое на фоне аналогичных процессов в странах противников и союзников и под углом зрения заложенных в нем социально-антропологических предпосылок стратегических неудач России в войнах начала XX в.

Армии индустриальной эпохи, опирающиеся на всеобщую воинскую повинность гражданского населения, были призваны не только готовить большие массы людей к предстоящим вооруженным столкновениям. На них возлагалась и социальная миссия – содействовать формированию общества модерни, опирающегося на рационалистическое сознание, готовность разнородных общественных сил к сотрудничеству и отстаиванию политических приоритетов и ценностей своей страны. Эти функции, выходящие за пределы узко утилитарного предназначения армии, были хорошо понятны ее военным лидерам и учитывались при разработке реформ.

Сроки призывной службы и состав призывников

Реформа военного министра Д.А. Милютин завершилась в 1874 г. изданием закона о всеобщей воинской повинности. Она устанавливала различные сроки действительной службы, которые колебались от полугода для выпускников высших учебных заведений и полутора лет для выпускников полной средней школы до полного срока – 6 лет в сухопутных войсках и 7 лет на флоте для тех, кто не имел никакого образования или в лучшем случае владел азами грамоты. При этом от службы освобождались жители целого ряда регионов России нехристианских вероисповеданий, служители культа, преподаватели высших учебных заведений и другие высококвалифицированные гражданские специалисты.

В 1906 г. последовало некоторое сокращение сроков действительной службы: в большинстве родов войск – до четырех лет, а в пехоте и пешей артиллерии – до трех. В льготную группу снова определялись выпускники университетов и институтов, средней школы хотя бы в объеме шести

классов или духовной семинарии хотя бы в объеме двух классов. Имея право сдать экзамен на чин прапорщика или подпоручика, они получали возможность двухгодичной службы. Полностью освобождались от призыва преподаватели высших учебных заведений и адъютанты, пансионеры Академии художеств и выпускники художественно-промышленных училищ². Этот порядок подтверждал закон от 23 июня 1912 г.

Несмотря на заинтересованность военного ведомства в расширении круга призывников и готовность многих инородческих общин поставлять на военное обучение своих представителей, власть и в начале XX в. предпочитала их держать на расстоянии от армии³. Наконец, и для славян, составлявших большинство населения империи, всеобщая воинская повинность часто была номинальной, так как из всей массы молодежи призывного возраста на действительную службу направлялась только треть, отобранная по жребию, а оставшиеся сразу зачислялись в ополчение, отделяясь при этом в лучшем случае короткими сборами.

Наиболее острой темой для русской армии была продолжительность службы, которая регулировалась образовательным цензом. По большому счету, в обществах с развитой и общедоступной образовательной системой желание реформаторов сохранить для гражданской деятельности наиболее образованную и интеллектуально продвинутую группу молодых людей или предложить облегченный вариант службы лицам с хорошим средним образованием не наталкивалось бы на противодействие общественности. Более того, оно могло бы усилить мотивацию основной массы к повышению образовательного уровня. Однако такие ожидания были беспочвенными в Российской империи, где в отличие от развитых стран всеобщее начальное образование не стало нормой. Оптимально доступной для ее социальных низов оставалась элементарная (низшая) школа, сообщавшая лишь начатки счета, письма и чтения. Таким образом, благие намерения создателей российской массовой армии усилить тягу к знаниям у молодежи из народа парализовались крайне неблагоприятной ситуацией с постановкой массового просвещения в стране. В результате состав новобранцев, по сути, повторял пирамидальное строение российского социума, на вершине которого находилось привилегированное меньшинство, сохранявшее свои привилегии и в отношениях к военной машине, а у подножия располагалась широкая

² ПСЗ-III. Т. XXXII. № 37417; *Бескровный Л.Г.* Армия и флот России в начале XX в. Очерки военно-экономического потенциала. М.: Наука, 1986. С. 12.

³ *Бескровный Л.Г.* Русская армия и флот в XIX веке. М.: Наука, 1972. С. 93; *Зайончковский П.А.* Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–XX столетий. 1881–1903. М.: Мысль, 1973. С. 199–200.

масса неграмотных или малограмотных простолюдинов, не пользующаяся никакими поблажками и в армии.

По качественным характеристикам новобранцев российская армия начала XX в. занимала низшую строчку в рейтинге европейских армий. Так, в Германии, где уже действовало обязательное восьмилетнее обучение в фольксшколе, армия получала поголовно грамотный и неплохо образованный контингент. Таким же был состав призывников в Японии, где с 1891 г. проводилась политика обязательного школьного обучения всех граждан⁴. Армия Франции набирала 93–94% грамотных призывников, в Австрийской империи – 78%, в Италии – 67%, а в России – только 50%. Фактор неотесанной и невежественной солдатской массы в реалиях войны создавал угрозу дисфункций самой военной машины. Например, после того, как в сражениях 1914–1915 гг. был выбит кадровый офицерский корпус и срочно понадобилось его возмещение, то в абсолютном большинстве подразделений командиры не смогли отыскать ни одного рядового, имеющего за плечами курс начальной школы и пригодного для направления в школы младшего офицерского состава⁵.

Темный солдатский люд был плохо сочетаем с запросами Первой мировой, в которой применялись дальнобойная артиллерия и магазинные винтовки, использовались отравляющие вещества и новейшая техника в виде танков и аэропланов, где требовалась молниеносная реакция на смену оперативной обстановки, плотная кооперация разных родов войск и оружия. Отсталый войсковой контингент, по твердому убеждению военных экспертов, сковывал применение эффективных приемов развертывания и дислокации войск, стратагем и кооперации с другими родами войск, не говоря уже о том, что он являлся удобной мишенью для уловок и пропаганды противника⁶.

Трудность обработки такого человеческого материала под углом зрения новейших военных потребностей с неизбежностью влекла за собой пролонгированные сроки службы. В этом отношении России не могла соответствовать тренду военного строительства других стран, выражавшемуся в снижении сроков службы под ружьем и параллельно расширяющемся охвате молодежи военным обучением. Воплощением этого пути являлась армия Второго Рейха, которая до 1893 г. забирала призывников на три года, а после этой даты только на два. Такое сокращение срока дало возможность

⁴ Свечин А.А. Эволюция военного искусства. М.–Л.: Военгиз, 1928. Т. II. С. 467.

⁵ P. Kennedy, *The Rise and Fall of Great Powers* (London: Unwin Hyman Limited, 1988), 210; Поликарпов В.В. Военная контрреволюция в России. 1905–1917 гг. М.: Наука, 1990. С. 191.

⁶ Военная мысль в изгнании. Творчество русской военной эмиграции. М.: Русский путь, 1999. С. 69.

в полтора раза увеличить приток новобранцев. При этом полученные ими на срочной службе навыки подлежали закреплению с помощью последующих периодических краткосрочных сборов⁷.

Франция времен Третьей республики в 1889 г. взяла за основу трехлетнюю срочную службу, но уже через 16 лет (в 1905 г.) заменила ее двухлетней. Правда, в преддверии войны французы вернулись к трехлетней модели. Стоит также отметить, что к этому времени им удалось добиться практически тотального привлечения военнообязанной молодежи к срочной службе – даже негодные к строевой подготовке не отпускались по домам, а определялись в нестроевые части⁸.

Введение трехлетней службы в 1873 г. стало одним из первых дел основателя современной японской армии Ямагато Аритомо⁹. Как и другие страны, втянутые в интенсивную милитарную подготовку, Япония неуклонно наращивала объем военного обучения молодежи: со старта Мейдзи-исин и до начала войны с Россией ее армия численно увеличилась в два с половиной раза. А вот итальянские реформаторы, принявшие в 1875 г. закон о трехлетней воинской повинности, не смогли обеспечить ему такой же императивный характер, как милитаризованные страны. Этому мешали территориально неравномерное экономическое развитие, нехватка финансовых ресурсов и упорство политической элиты.

Даже Англия, которую обошли стороной военные инновации континентальных стран, в 1870 г. сократила сроки контракта со своими военнослужащими с 20 до 12 лет, при том что действительная служба теперь занимала только 6 лет¹⁰.

Экспертные оценки массовых армий в обществах с резкой асимметрией социально-образовательных статусов

Массовая армия с более или менее однородным качественным составом призывников и короткой срочной службой как мейнстрим военного строительства индустриальной эпохи пользовалась полной поддержкой военных профессионалов и гражданских аналитиков. Такая армия выступала серьезным подспорьем власти в установлении общественного согласия по ключевым принципам политического устройства и базовым гражданским ценностям. Насаждая в своем пространстве кооперативный стиль отноше-

⁷ W.C. Fuller, *Civil-Military Conflict in Imperial Russia. 1881–1914* (Princeton University Press, 1985), 53; J. Gooch, *Armies in Europe* (London: Routledge & Kegan Pau, 1980), 115.

⁸ Свечин А.А. Эволюция военного искусства... С. 531.

⁹ Селищев А.С. Японская экспансия: люди и идеи. Иркутск: изд-во Иркутского университета, 1993. С. 51.

¹⁰ J. Gooch, *Armies in Europe*, 170.

ний между сослуживцами, она содействовала его трансферу и в область гражданских отношений. Другое дело, если перестройка армии по типу вооруженного народа происходила в стране с низким уровнем образования большей части населения и неискоренными остатками сословного строя. Так, уже на подходе к созданию в таких условиях массовой армии многие представители экспертного сообщества выступали с возражениями. Например, авторитетный военный специалист Н. Марселли и политический деятель Италии второй половины XIX в. Д. Фарини высказывали сомнения в надежности и лояльности режиму армии, набранной в основном из представителей неблагополучных сегментов общества. Они выражали и опасение, что оторванные на длительные сроки от своих домов и гражданских занятий демобилизованные солдаты не смогут заново адаптироваться к производительному труду и скорее всего пополнят армию безработных и уголовников¹¹.

Близкие аргументы приводили и российские коллеги итальянских экспертов, которые в исторической литературе чаще всего рассматриваются как консервативные оппоненты министра-реформатора Милютин: Д.А. Толстой, А.М. Горчаков, Р.А. Фадеев, М.Г. Черняев. Однако не только деятели этой генерации, но и эксперты следующего поколения С.К. Добролюбовский, А.В. Геруа также настаивали на непригодности для России модели военного строительства Германии по причине различных с ней структурных условий. Примечательно, что задолго до Первой мировой ее печальный исход для России предвидели многие реалистически мыслящие деятели. Так, в конце 1880-х гг. генерал Черняев, бывший триумфатор Ташкента, в близком окружении озвучивал пессимистический прогноз относительно будущих войн России. Он был твердо убежден в том, что они закончатся разгромом русской армии, отторжением от страны проблемных в политическом отношении территорий, наложением на нее тяжелых наказаний и угрозой власти правящего дома Романовых. Генерал полагал, что милютинская реформа подорвала военный дух нации: будь призывникам дана возможность откупаться от воинской повинности, они не преминули бы ею воспользоваться¹². О каскаде катастрофических социальных и политических последствий для России при увязании в войне писал царю во всеподданнейшем письме 28 февраля 1905 г. С.Ю. Витте. По его словам,

¹¹ J. Gooch, *Army, State and Society in Italy. 1870–1915* (Hampshire and London, 1989), 21–22; *Зайончковский П.А.* Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–XX столетий. 1881–1903. М.: Мысль, 1973. С. 259–260; *Бескровный Л.Г.* Русская армия и флот в XIX веке. С. 87.

¹² Три последних самодержца. Дневник А.В. Богданович. М.-Л.: Изд. Л.Д. Френкель, 1924. С. 68.

при стойком неприятии народом новых мобилизаций, озлобленности тяготами военного времени дело закончится тем, что «огромные беспорядки могут развиваться в ураган»¹³. О трагическом исходе участия России в войне предупреждал в своей знаменитой записке февраля 1914 г. член Государственного совета П.Н. Дурново. По его словам, длительная и неудачная война откроет шлюзы массовым деструктивным движениям, сметет правящий режим и выведет на передний план экстремистские силы¹⁴.

Наилучшей альтернативой для России, по мнению ряда военных экспертов, могло бы стать соединение профессиональной армии, основанной на контрактной службе, и территориально-милиционных частей¹⁵. При почти необъятных человеческих ресурсах России и грамотной постановке дела привлечение контрактников не составило бы большого труда. Однако такой путь не был принят в расчет при реорганизации российской армии.

Условия и имидж срочной службы

Дальнейшее развертывание российской массовой армии с длительными сроками службы показало обоснованность худших опасений критиков милютинской реформы. По данным П. Кеннеди, в абсолютном выражении Россия вкладывала в свою оборону меньше средств, чем Германии, но в полтора раза больше, чем Франция¹⁶. Однако в пересчете на содержание каждого солдата эти контрольные цифры выглядели иначе: Россия вкладывала в него на три четверти меньше средств, чем Германия, и более чем наполовину меньше, чем Франция¹⁷.

По признанию отечественных специалистов, в начале XX в. российская казна тратила самую маленькую сумму на годовое содержание одного военнотружущего среди прочих стран¹⁸. Это выражалось в скудном и однообразном рационе питания соответственно поговорке «щи да каша – пища наша», плохих бытовых условиях, до 1905 г. не предусматривавших даже выдачу постельных принадлежностей¹⁹. Помноженные на жестокую казарменную дисциплину и деспотический военный ритуал, такие условия создавали почву для недовольства не только выходцев из среднего класса,

¹³ *Bumte С.Ю.* Избранные воспоминания. 1849–1911 гг. М.: Мысль, 1991. С. 659–660.

¹⁴ Свет и тени Великой войны. М.: РОССПЭН, 2014. С. 72.

¹⁵ Государственная оборона России. Императивы русской военной классики. М.: Русский путь, 2002. С. 562–563.

¹⁶ P. Kennedy, *The Rise and Fall of Great Powers* (London: Unwin Hyman Limited, 1988), 210.

¹⁷ W.C. Fuller, *Civil-Military Conflict in Imperial Russia*, 53.

¹⁸ Государственная оборона России... С. 404.

¹⁹ *Деникин А.И.* Путь русского офицера. М.: Современник, 1990. С. 85; *Редигер А.* История моей жизни. Воспоминания военного министра. Т. 1. М.: Канон-пресс, Кучково поле, 1999. С. 475.

но и из социальных низов. Они же разрушали изначальное представление о патернализме власти, с которым многие призывники вступали на службу.

Эти стороны российской армейской действительности сильно отличались от предложений военного ведомства новобранцам в других странах. Например, солдаты Второго Рейха обеспечивались отличным трехразовым питанием, к которому прилагался еще один бонус – возможность между основными приемами пищи выпить в столовой чаю, кофе или какао с печеньем. Еженедельная смена постельного белья с раздачей носовых платков, казарменные цирюльни обеспечивали опрятность и подтянутость солдат. Одновременно с тем на срочной службе немецкий юноша приобретал специальность, которая могла ему пригодиться в гражданской жизни (например, связист, водитель). А по возвращении из казармы домой как человек, с честью выполнивший свой долг, он попадал в центр уважительного внимания своего родственного и дружеского круга. Вместе взятые эти обстоятельства обуславливали самый привлекательный образ военной службы. Он находил отражение в том приподнятом настроении, в котором немецкий призывник пребывал с момента получения воинской повестки: всем своим видом он излучал радость, с удовольствием принимал поздравления со счастливым событием от знакомых и даже малознакомых людей²⁰.

Таким же почетом и уважением была окружена срочная служба в Японии. Взяв в начале эпохи Мейдзи курс на национальное процветание и сильную армию, политический класс активно задействовал военных в работе по преодолению феодальных пережитков, разобщенности и отсталости. Абсорбировавшая значительную часть бывшего самурайского сословия японская армия стала могучим рычагом интеграции и обновления²¹. На ее высокое реноме среди гражданского населения неизменно указывали добровольно оказываемые ей знаки внимания: поклоны воинскому знамени, приветственные слова прохожих, обращенные к солдатам и офицерам, марширующим по улице. Государственная власть уделяла большое внимание тому, чтобы учащейся молодежи в рамках школьного образования передавались самурайские стереотипы воинской чести и долга. Эти устремления находили поддержку и в семейных традициях культа предков, павших за родину, и безмерного почитания воинской профессии²².

Пусть менее настойчиво, однако достаточно наглядно престиж военной службы старались поддержать и лидеры Третьей французской ре-

²⁰ О долге и чести воинской в российской армии. Сб. материалов, документов и статей. М.: Воениздат, 1990. С. 208.

²¹ P. Kennedy, *The Rise and Fall of Great Powers*, 206.

²² Вооруженные силы Японии: история и современность. К 40-летию разгрома Японии во Второй мировой войне. М.: Наука, 1985. С. 47.

спублики. Прославление армии как национального символа и «бренда» на страницах книг и печати, внедрение в школьные программы многочасовых занятий гимнастикой и военизированных игр сделали свое дело – молодые французы по большей части ответственно и сознательно относились к воинскому долгу²³.

Иной случай представляла Россия. Уже в преддверии призыва множество молодых мужчин пытались найти предлог для уклонения. В частности, прибегали к услугам знахарей и лже-медиков, которые их калечили ради получения заветного белого билета²⁴. Все же остальные, кто не смог заручиться таким документом, без энтузиазма отправлялись в назначенную часть. Повсеместно укорененный обряд проводов новобранца со слезами и причитаниями родных, многодневной надрывной пьяной гульбой указывал на массовое отторжение той воинской повинности, которую навязывало государство.

Война как критерий истины

Самым беспощадным экзаменатором работы, которую проделали нации в военном строительстве, стала Первая мировая война. По данным американского историка П. Кеннеди, уже в самом ее начале в России около 2 млн молодых мужчин призывного возраста поспешили связать себя узами брака в надежде на отсрочку мобилизации²⁵. К хитроумным уловкам прибегали представители предпринимательского класса: отдельные личности вдруг отыскивали в себе педагогический талант и нанимались на работу школьными учителями, которым полагалась бронь. По рассказам мемуариста, трюк одного из таких «ловчил» был раскрыт и пресечен уездной властью. Вместе с тем это вмешательство вызвало неодобрение местного предпринимательского круга²⁶. Однако данный пример с неудачной попыткой освободиться от мобилизации все же не был типичным. Вполне очевидно, что возможностей избежать отправки на войну у богатых и влиятельных господ было много больше, чем у простого люда: кто-то подкупал членов уездного присутствия по воинской повинности и получал освобождение по состоянию здоровья, кто-то за деньги или за счет личных связей устраивался на рабочие места в тылу, предоставляющие бронь²⁷. Эти фак-

²³ J. Gooch, *Armies in Europe*, 114.

²⁴ Деникин А.И. Путь русского офицера. М.: Современник, 1990. С. 211–212.

²⁵ P. Kennedy, *The Rise and Fall of Great Powers*, 237.

²⁶ Игнатьев А.А. 50 лет в строю. Т.1. М.: Воениздат, 1989. С. 18.

²⁷ Фадеев Д.И. Уклонение от воинской службы в годы Первой мировой войны (1914–февраль 1917 гг.) в Казанской и Симбирской губерниях // Молодой ученый. 2015. № 19. С. 668.

ты вызывали негодование среди воюющих солдат и нередко толкали их на путь фактического саботажа приказов командования.

В конкретных обстоятельствах военного времени прохладное отношение к долгу защитника Отечества выражалось в избыточной осторожности и перестраховке, дозированных личных затратах на выполнение приказов командования, а то и просто в профанации ратного труда и его бойкоте. Подтверждений тому множество. Например, одна воинская часть, укомплектованная столичными новобранцами, снискала у старослужащих репутацию команды знатных бегунов, так как сбегала с любого задания. Большой размах приобрело дезертирство в разнообразных формах (самострелы, сознательное отставание от своих частей с целью последующего прикрепления к тыловой части, побег из санитарных поездов, побег на марше). Достаточно заметно оно стало проявляться с сентября 1914 г. и дало резкий скачок в 1915 г. по ходу «великого отступления». По официальным данным Ставки, за период от начала войны и до весны 1917 г. из русской армии дезертировало 201 тыс. бойцов. Суммарная цифра, которая приводится в историографии, на порядок выше – от 1.5 до 2 млн человек. За тот же промежуток времени на театре боевых действий с Германией и Австро-Венгрией сдались в плен 1.5 млн русских солдат, что в пять раз превышало численность сдавшихся в плен в войсках Антанты на Западном фронте²⁸.

Подготовленный всей предшествующей практикой и запущенный «великим отступлением» 1915 г. развал русской армии был необратим. Против него оказался бессилён и довольно многочисленный корпус полковых священников, на который возлагалось морально-политическое воздействие на сражающееся войско. В середине 1915 г. он насчитывал 1800, а в конце войны – 3700 человек²⁹. Реагируя на неустойчивость военнослужащих и действуя по рекомендациям протопресвитера русской армии Г. Шавельского, полковые батюшки в проповедях грозили божьими карами и страшным судом тем, кто отступится от своего священного воинского долга. В литературе сегодня можно встретить предположение о том, что эффект такого воздействия был бы выше, если бы проповедники делали упор на позитив-

²⁸ *Базанов С.Н.* К истории развала русской армии в 1917 году // Армия и общество. 1900–1941. Статьи, документы. М.: ИРИ РАН, 1999. С. 62; *Оськин М.В.* Российские дезертиры Первой мировой войны // Вестник Православного Свято-Тихоновского университета. Серия: История. 2014. Вып. 5. С. 58; *Уткин А.* Забытая трагедия. Россия в Первой мировой войне. Смоленск: Русич, 2000. С. 71, 144; Россия и СССР в войнах XX века. Статистическое исследование. М.: Олма-Пресс, 2001. С. 106.

²⁹ *Чимаров С.Ю.* Русская православная церковь и вооруженные силы России в 1800–1917 гг. СПб.: Нестор, 1999. С. 173.

ных смыслах, а не на негативных санкциях. Однако вряд ли такое допущение имеет под собой серьезную основу. В Первой мировой, как и в русско-японской войне, шансы клириков «достучаться» до рядовой массы приближались к нулю. Это показали массовые братания русских солдат с противником на Пасху 1916 г., проходившие на фоне эмоциональных воззваний военного духовенства крепче громить врага³⁰. Таким же неэффективным инструментом воздействия, как пастырское слово, в пространстве мировой войны являлись символические фигуры авиаторов, казаков, георгиевских кавалеров, на которых государство предлагало равняться личному составу армии. Однако эти образцы воинской славы не вызывали никакого эмоционального отклика среди облаченных в шинели гражданских лиц, тяготившихся своей ролью военнослужащих и стремившихся расторгнуть связь с государством, навязавшим им эту роль.

Опыт Первой мировой показал высокую сопряженность между боевой эффективностью армий и укорененностью национально-гражданской идентичности в обществе. Наиболее яркий образец такой взаимосвязи представляла собой Великобритания. Даже при нечастых и необременительных контактах британцев с государственной властью последней удалось добиться беспрецедентно быстрой мобилизации своих граждан. После того, как в 1914 г. был почти полностью разбит Британский экспедиционный корпус и встал вопрос о срочном пополнении армии, британцы стали толпами притекать к вербовочным пунктам. Равным образом они не манкировали введенной в 1916 г. воинской повинностью. Конечно, этой безотказности способствовали хорошо налаженная еще в довоенное время пропаганда, представлявшая королевство вершинной точкой мировой цивилизации, а также лозунги защиты колоний, промышленности, торговли от германского разграбления. Немалый вклад в дело мобилизации внесла прекрасная половина населения острова: своими насмешками и порицаниями она выталкивала на войну тех представителей сильного пола, кто не очень-то торопился встать под ружье. Интересны и привычки, которые британцы – новоиспеченные воины привносили с собой на поля сражений: традиционное чаепитие в пять часов пополудни, страсть к спортивной игре, прежде всего к футболу, которая удовлетворялась в периоды фронтового затишья. При этом сугубо гражданские люди показывали порой большую настойчивость в овладении военными навыками, чем военнослужащие со

³⁰ Первая мировая война – пролог XX века. Материалы международной научной конференции. Часть II. М.: ИВИ РАН, 2015. С. 236–242; Жукова Л.В. Проповедническая деятельность военного духовенства в русско-японской войне // Военно-историческая антропология. Ежегодник 2002. М.: РОССПЭН, 2002. С. 162.

стажем, а правила спортивной игры становились для них путеводными и в выполнении боевых заданий: в армии, как и в команде, они старались сбегать победный дух и довести ее до призового финала³¹.

В случаях, отличных от британского, например, в Германии, где к началу мировой войны не были преодолены региональные различия, а идея общенационального гражданства не успела глубоко прорасти в массовом сознании, объединяющую роль играла армия. Без натяжки являясь продуктом совместного труда госаппарата и общественности, она стала центральным институтом и символом германской общности, а ее приоритеты – руководством к действию для гражданских сил. Например, создание военно-морского флота, выдвинутое на очередь дня сразу после объединения военным и политическим руководством Рейха, встретило поддержку почти всех коллективных субъектов – начиная от деревенского актива и заканчивая политическими тяжеловесами, вроде парламентских партий³². По этой причине генерал Э. Людендорф мог уверенно утверждать, что «народные и боевые силы» Германии существуют в нерасторжимом единстве³³.

Пронизанные духом стойкого служения целям своей армии, закаленные ею физически и морально, вооруженные массы немцев в течение войны сковывали множественные силы противника, ломали его оборону и приходили на подмогу своим истощенным союзникам. Уже со сражения при Танненберге и боев в Мазурии 1914 г. мощь немецкого удара испытала на себе и русская армия, довольно быстро после этого освободившаяся от ура-патриотического угара первых дней войны. Несмотря на тяжесть последующей позиционной войны и колоссальные потери в битве при Сомме и Верденской «мясорубке», германская армия оставалась более или менее боеспособной за счет ресурса «военного воодушевления», иначе говоря, воли к победе и непоколебимой веры в свою военную систему³⁴. А характерный для немецкой политической культуры способ идентификации национальной общности с армией, а армии – с национальной общностью создавал условия для регенерации и после 1918 г. за счет нового возрождения военной машины, правда, на этот раз на базе расовой идеологии и преступлений против человечества.

³¹ Хмелевская Ю.Ю. «Большая игра»? Роль спортивной этики в поддержании морального духа британской армии в первой мировой войне // Человек и война. Война как явление культуры. М.: Агро-XX, 2001. С. 82–83, 88.

³² F. Fischer, *Griff nach der Welt Macht. Die Kriegspolitik des Kaiserlichen Deutschland. 1914/1918* ([N.p.]: Athenaum Verlag, 1979), 22.

³³ Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг. М.: Вече, 2014. Т. 1. С. 9.

³⁴ См.: Журбина Н.Е. Эволюция массового сознания солдат и офицеров германской армии в период Первой мировой войны. 1914–1918. СПб: [Б.и.], 2009.

Япония проделала путь, похожий на германский. Японцы, которые вели войну 1904–1905 гг. с Россией на пике напряжения своих сил, не считались с потерями и без тени жалости бросали в топку войны молодые жизни своих сыновей. Сами же юные японцы без колебаний выполняли гибельные приказы: по свидетельству генерала А.Н. Куропаткина, они поднимались в атаку на русские батареи с криками «банзай!», замертво падали под огнем, а бегущие следом взбирались по трупам товарищей наверх и опрокидывали наши позиции³⁵. С той же высокой степенью выносливости Япония перенесла испытания Второй мировой войне – в Первой ее участие было незначительным.

Иначе дело пошло в Австро-Венгрии и Османской империи, также пытавшихся выстроить всеобщую призывную модель, однако, как и Россия, не преуспевших в этом из-за скудной финансовой базы и трудностей применения этой модели к сегментированному по этноконфессиональным и социальным линиям социуму³⁶.

Выводы

Перестройка армии по типу вооруженного народа была продуктивной там, где интенции военного истеблишмента дополнялись поддержкой общества. Это удавалось либо модернизированным, демократическим и сплоченным нациям, устремленным к вооруженной защите своих преимуществ либо менее демократическим и интегрированным, но модернизированным и строящим свою идентичность на военных символах и сильной армии.

При слабом взаимодействии между военными и гражданскими институтами, обществом и армией, скверной репутации срочной службы надежда на становление боеспособной армии была призрачной. Профессиональная военная экспертиза неудач России в мировой войне фиксировала очень слабый посыл и среди социальных верхов, и среди социальных низов к созданию крепкой обороны, которая могла бы ковать людей с «военным характером, с железными... нервами, способными выдерживать без ослабления почти непрерывный бой в течение многих дней»³⁷.

Однако помимо неважной физической и моральной подготовки фронтовая нестойкость солдатской массы объяснялась дискомфортом социального состояния, который, по сути, культивировала вся структура срочной службы. Комплекс ощущений российского солдата становится понятен

³⁵ Куропаткин А.Н. Русско-японская война, 1904–1905. Итоги войны. СПб.: Полигон, 2002. С. 242.

³⁶ W. Hale, *Turkish Politics and Military* (London and N.Y.: Routledge, 1994), 14.

³⁷ Государственная оборона России... С. 370–371.

через призму наблюдения, сделанного А. де Токвилем при изучении предпосылок крестьянского участия в Великой Французской революции конца XVIII в. В отличие от многих своих европейских собратьев того времени французские крестьяне были лично свободны и в качестве собственников распоряжались своими наделами земли, однако при этом были больше остальных сословных групп нагружены тяжелыми и унижительными государственными повинностями. По мнению Токвиля, люди всегда острее переживали проявления своего неравенства тогда, когда они обрели свободу, нежели тогда, когда находились в феодальной зависимости³⁸. В этом плане и неохотное исполнение российскими крестьянами воинской повинности, и недоблестное поведение на войне в значительной степени обуславливались социальной ущербностью, которую вчерашнему крепостному, облаченному в шинель, давали понять и почувствовать призывная система и армейская обстановка. Это же самоощущение рядового состава делало его удобным объектом политики «революционизации», над которой трудились военный отдел германского МИДа во главе с полковником фон Гефтенем вместе со специальными отделениями пропаганды под руководством полковника фон Гиргена³⁹. Разработанная этими службами программа включала в себя стимулирование гражданского конфликта и разжигание межнациональных противоречий. Благоприятные возможности ее реализации открывались и на армейском направлении, что показала подрывная работа в войсках, которую с 1915 г. вели вражеские службы, а с 1917 г. – большевики. Парадокс состоял в том, что являвшаяся оплотом режима армия становилась главным источником его дестабилизации. Назревавший на протяжении всей неудачной войны и подпитываемый влиянием сторонних сил солдатский бунт с неизбежностью прокладывал дорогу к обрушению и остальных несущих конструкций государства.

Огромный сокрушительный потенциал вооруженной массы, вышедшей из-под контроля, уже показала Первая русская революция. Вырвавшиеся на волю разрушительные инстинкты солдатни поставили под удар всю систему безопасности страны. К.Г. Маннергейм, будущий лидер суверенной Финляндии, а тогда старший офицер русской армии, возвращавшийся с места службы на Дальнем Востоке в Петербург, был потрясен размахом

³⁸ Токвиль А. Старый порядок и революция. М.: Алетейя, 1997. С. 25–26.

³⁹ Данилов Ю.Н. На пути к крушению. Очерки последнего периода Российской монархии. М.: XXI век-согласие, 2000. С. 184; Новикова И.Н. Сепаратизм как государственная политика: роль немецкой дипломатии в создании «Лиги инородцев России» в годы Первой мировой войны // Россия в войнах XX века. Материалы 7-ой Всероссийской научно-практической конференции «Российское общество и войны XX века». Краснодар, 2004. С. 101–103.

армейских бесчинств, которые заполнили собой все пространство железной дороги⁴⁰. Но слабая солдатская самоорганизация и сильная, брошенная на подавление беспорядков гвардия позволили тогда власти взять верх. Однако расклад сил в Первую мировую был уже другим: изничтоженная войной гвардия, поднаторевшая радикальная оппозиция уже не оставляли шансов режиму. Впрочем, политический ход левой оппозиции в виде Приказа № 1 Петроградского Совета от 1 марта 1917 г. был лишь удачным приспособлением к тому порядку вещей, который вполне адекватно оценивал В.И. Ленин: «В сущности у нас не было и нет всеобщей воинской повинности, потому что привилегии знатного происхождения и богатства создают массу исключений. В сущности, у нас не было и нет ничего похожего на равноправность граждан в военной службе»⁴¹.

© Волкова И.В., 2019
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Рукопись поступила: 15 ноября 2018 г.

Submitted: 15 November 2018

References

- Astashov, A.B. “Russkiy krest’yanin na frontakh Pervoy mirovoy voyny.” [Russian peasant on the fronts of the First World War] *Otechestvennaya istoriya*, no. 2 (2003): 72–86 (in Russian).
- “Russkiye soldaty i Pervaya mirovaya voyna. Psikhohistoricheskoye issledovaniye voyennogo opyta.” [Russian soldiers and the First World War. Psycho-historical study of military experience] In *Sotsial’naya istoriya. Yezhegodnik, 2001/2002*. Moscow: ROSSPEN Publ., 2004 (in Russian).
- Bayrau, D. “Imperiya i eye armiya.” [Empire and its army] *Novyy chasovoy*, no. 3 (1997): 19–39 (in Russian).
- Bazanov, S.N. “K istorii razvala russkoy armii v 1917 godu.” [To the history of the collapse of the Russian army in 1917] In *Armiya i obshchestvo. 1900–1941. Stat’i, dokumenty*. Moscow: IRI RAN Publ., 1999 (in Russian).
- Beskrovnyy, L.G. *Russkaya armiya i flot v XX veke* [Russian army and navy in the twentieth century]. Moscow: Nauka Publ., 1972 (in Russian).
- *Armiya i flot Rossii v nachale XX v. Ocherki voyenno- ekonomicheskogo potentsiala* [The army and navy of Russia in the early twentieth century. Sketches of military-economic potential]. Moscow: Nauka Publ., 1986 (in Russian).

⁴⁰ Маннергейм К.Г. Мемуары. М.: Вагриус, 1999. С. 27; Телицын В.Л. Русская революция 1917 г.: деревня против города или перманентная война // Академик П.В. Волобуев. Неопубликованные работы. Воспоминания. Статьи. М.: Наука, 2000. С. 349.

⁴¹ Ленин В.И. Полное собрание сочинение. М.: Издательство политической литературы, 1967. Т. 4. С. 393.

- Bogdanovich, A.V. *Dnevnik. Tri poslednikh samoderzhtsa* [A diary. The last three autocrat]. Moscow; Leningrad.: L.D. Frenkel' Publ., 1924 (in Russian).
- Chimarov, S.Y. *Russkaya pravoslavnaya tserkov' i vooruzhennyye sily Rossii v 1800–1917 gg* [Russian Orthodox Church and the Armed Forces of Russia in 1800–1917]. St. Petersburg: Nestor Publ., 1999 (in Russian).
- Danilov, Y.N. *Na puti k krusheniyu. Ocherki poslednego perioda Rossiyskoy monarkhii* [On the way to crash. Essays on the last period of the Russian monarchy]. Moscow: XXI vek-soglasiye Publ., 2000 (in Russian).
- Denikin, A.I. *Put' russkogo ofitsera* [The path of the Russian officer]. Moscow: Sovremennik Publ., 1990 (in Russian).
- Fadeyev, D.I. “Ukloneniye ot voinskoy sluzhby v gody Pervoy mirovoy voyny (1914 – fevral' 1917gg.) v Kazanskoj i Simbirskoj guberniyakh.” [Evasion of military service during the First World War (1914–February 1917) in the Kazan and Simbirsk provinces] *Molodoy uchenyy*, no. 19 (2015): 667–670 (in Russian).
- Fischer, F. *Griff nach der Welt Macht. Die Kriegspolitik des Keiserlichen Deutschland. 1914/1918*. [N.p.]: Athenaum Verlag, 1979 (in German).
- Fuller, W.C. *Civil-Military Conflict in Imperial Russia. 1881–1914*. [N.p.]: Princeton University Press, 1985.
- Gooch, J. *Armies in Europe*. London: Routledge & Kegan Pau, 1980.
- *Army, State and Society in Italy. 1870–1915*. Hampshire; London: [S.n.], 1989.
- Gosudarstvennaya oborona Rossii. Imperativy russkoy voyennoy klassiki* [State defense of Russia. Imperatives of Russian military classics]. Moscow: Russkiy put' Publ., 2002 (in Russian).
- Hale, W. *Turkish Politics and Military*. London: New York: Routledge, 1994.
- Ignat'yev, A.A. *50 let v stroyu* [50 years in the ranks]. Vol. 1. Moscow: Voenizdat Publ., 1989 (in Russian).
- Ivanov, A.I. *Vooruzhennyye sily Yaponii: istoriya i sovremennost'. K 40-leniyu razgroma Yaponii vo Vtoroy mirovoy voyne* [The armed forces of Japan: history and modernity. By the 40th, the defeat of Japan in World War II]. Moscow: Nauka Publ., 1985 (in Russian).
- Kennedy, P. *The Rise and Fall of Great Powers*. London: Unwin Hyman Limited, 1988.
- Khmelevskaya, Y.Y. “‘Bol'shaya igra'? Rol' sportivnoy etiki v podderzhanii moral'nogo dukha britanskoj armii v pervoy mirovoy voyne.” [‘Big game’? The role of sports ethics in maintaining the morale of the British army in World War I] In *Chelovek i vojna. Voyna kak yavleniye kul'tury*. Moscow: Airo-XX Publ., 2001 (in Russian).
- Kultyshov, P.G. *Russkaya armiya v Pervoy mirovoy voyne. Istoriko-antropologicheskii aspekt* [Russian army in the First World War. Historical and anthropological aspect]. Rostov on Don: [S.n.], 2010 (in Russian).
- Kuropatkin, A.N. *Russko-yaponskaya vojna, 1904–1905. Itogi voyny* [Russian-Japanese War, 1904–1905. The outcome of the war]. St. Petersburg: Poligon Publ., 2002 (in Russian).
- Lapin, V.V. “The Army of Empire – Empire in the Army: The Structure and Recruitment of the Russian Armed Forces in the 16th – 20th centuries.” *Ab Imperio. Teoriya i*

- istoriya natsional'nostey i natsionalizma v postsovetском prostranstve*, no. 4 (2002): 109–140 (in Russian).
- Lenin, V.I. *Polnoye sobraniye sochineniy* [Full composition of writings]. Vol. 4. Moscow: Politicheskaya literature Publ., 1967 (in Russian).
- Lobov, V.N. *O dolge i chesti voinskoy v rossiyskoy armii. Sbornik materialov, dokumentov i statey* [About the duty and honor of the military in the Russian army. Collection of materials, documents and articles]. Moscow: Voenizdat Publ., 1990 (in Russian).
- Lyudendorf, E. *Moi vospominaniya o voyne 1914–1918 gg* [My memories of the war of 1914–1918]. Vol. 1. Moscow: Veche Publ., 2014 (in Russian).
- Mannergeym, K.G. *Memuary* [Memoirs]. Moscow: Vagrius Publ., 1999 (in Russian).
- Menning, B.U. *Pulya i shtyk. Armiya rossiyskoy imperii. 1861–1914* [Bullet and bayonet. Army of the Russian Empire. 1861–1914]. Moscow: Modest Kolerov Publ., 2016 (in Russian).
- Novikova, I.N. “Separatizm kak gosudarstvennaya politika: rol' nemetskoj diplomatii v sozdanii ‘Ligi inorodtsev Rossii’ v gody Pervoy mirovoj vojny.” [Separatism as a state policy: the role of German diplomacy in the creation of the ‘League of Russian Aliens’ during the First World War] In *Rossiya v voynakh XX veka. Materialy 7-oy Vserossiyskoj nauchno-prakticheskoy konferentsii ‘Rossiyskoye obshchestvo i vojny XX veka’*. Krasnodar: [S.n.], 2004 (in Russian).
- Os'kin, M.V. “Rossiyskiye dezertiry Pervoy mirovoj vojny.” [Russian deserters of the First World War] *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo universiteta. Seriya Istoriya*, no. 5 (2014): 46–60 (in Russian).
- Polikarpov, V.V. *Voyennaya kontrrevolyutsiya v Rossii. 1905–1917 gg* [Military counter-revolution in Russia. 1905–1917]. Moscow: Nauka Publ., 1990 (in Russian).
- Polnyy svod zakonov Rossiyskoy imperii* [Full set of laws of the Russian Empire]. Vol. 32, no. 37417 (in Russian).
- Porshneva, O.S. *Krest'yanе, rabochiye i soldaty Rossii nakanune m v gody Pervoy mirovoj vojny* [Peasants, workers and soldiers of Russia on the eve of the m during the First World War]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2004 (in Russian).
- Rediger, A. *Istoriya moyey zhizni. Vospominaniya voyennogo ministra* [Story of my life. Memories of the Minister of War]. Vol. 1. Moscow: Kanon-press Publ.; Kuchkovo pole Publ., 1999 (in Russian).
- Repnikov, A.V., Rudaya, Y.N., and A.A. Ivanov. *Svet i teni Velikoy vojny* [Light and shadows of the Great War]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2014 (in Russian).
- Rossiya i SSSR v voynakh XX veka. Statisticheskoye issledovaniye* [Russia and the USSR in the wars of the twentieth century. Statistical study]. Moscow: Olma-Press Publ., 2001 (in Russian).
- Selishchev, A.S. *Yaponskaya ekspansiya: lyudi i idei* [Japanese expansion: people and ideas]. Irkutsk: Irkutsk University Publ., 1993 (in Russian).
- Senyavskaya, Y.S. *Chelovek na voyne. Istoriko-psikhologicheskiye ocherki* [The man in the war. Historical and psychological essays]. Moscow: IRI RAN Publ., 1997 (in Russian).
- . *Psikhologiya vojny v XX veke: istoricheskiy opyt Rossii* [Psychology of war in the twentieth century: Russia's historical experience]. Moscow: ROSSPEN Publ., 1999 (in Russian).

- Senyavskiy, A.S., and L.V. Zhukova. *Chelovek i frontovaya povsednevnost' v voynakh Rossii XX veka: ocherki po voyennoy istorii* [Man and frontline everyday life in the wars of Russia of the twentieth century: essays on the military history]. Moscow; St. Petersburg: IRI RAN Publ., 2017 (in Russian).
- Senyavskiy, A.S., and Senyavskaya, Y.S. “Historic Memory of the XXth Century Wars as the Sphere of Ideological, Political, and Psychological Confrontation.” *Otechestvennaya istoriya (The Ending)*, no. 2 (2007): 139–151 (in Russian).
- “Historic Memory of the XXth Century Wars as the Sphere of Ideological, Political, and Psychological Confrontation.” *Otechestvennaya istoriya*, no. 2, 3 (2007): 107–121 (in Russian).
- Sergeyev, Ye.Yu. *Pervaya mirovaya voyna – prolog XX veka. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [World War I – the prologue of the twentieth century. Materials of the international scientific conference]. Moscow: IVI RAN Publ., 2015 (in Russian).
- Svechin, A.A. *Evolutsiya voyennogo iskusstva* [The evolution of military art]. Vol. 2. Moscow; Leningrad: Voyengiz Publ., 1928 (in Russian).
- Telitsyn, V.L. “Russkaya revolyutsiya 1917 g.: derevnya protiv goroda ili permanentnaya voyna.” [Russian revolution of 1917: a village against a city or permanent war] In *Akademik Volobuyev, P.V. Neopublikovannyye raboty. Vospominaniya. Stat'1*, 347–355. Moscow: Nauka Publ., 2000 (in Russian).
- Tokvil', A. *Staryy poryadok i revolyutsiya* [Old order and revolution]. Moscow: Aleteyya Publ., 1997 (in Russian).
- Utkin, A. *Zabytaya tragediya. Rossiya v Pervoy mirovoy voyne* [Forgotten tragedy. Russia in the First World War]. Smolensk: Rusich Publ., 2000 (in Russian).
- Vitte, S.Y. *Izbrannyye vospominaniya. 1849–1911 gg* [Selected memories. 1849–1911]. Moscow: Mysl' Publ., 1991 (in Russian).
- Zayonchkovskiy, P.A. *Samoderzhaviye i russkaya armiya na rubezhe XIX–XX stoletiy. 1881–1903* [Autocracy and the Russian army at the turn of the twentieth century. 1881–1903]. Moscow: Mysl' Publ., 1973 (in Russian).
- Zhukova, L.V. “Propovednicheskaya deyatelnost' voyennogo dukhovenstva v russko-yaponskoy voyne.” [Preaching activities of the military clergy in the Russian-Japanese war] In *Voyenno-istoricheskaya antropologiya. Yezhegodnik 2002*. Moscow: ROSSPEN Publ., 2002 (in Russian).
- Zhurbina, N.Y. *Evolutsiya massovogo soznaniya soldat i ofitserov germanskoj armii v period Pervoy mirovoy voyny* [The evolution of the mass consciousness of soldiers and officers of the German army during the First World War]. St. Petersburg, 2009 (in Russian).

Аннотация: Статья посвящена анализу преобразований в российской армии конца XIX – начала XX в. и их влиянию на боеспособность войск и поведение нижних чинов в ходе боевых действий. Российский опыт освещается на фоне изменений в военной сфере, которые проводились в странах – участницах Первой мировой войны в ее преддверии. В статье анализируются две модели реорганизации армии: английская (при которой реализация закона о всеобщей воинской повинности 1916 г. и эффектив-

ная мобилизация становились возможными благодаря высокому уровню общественной поддержки государства и всей системы национальных ценностей) и германская (которая строилась на основе идентификации нации со своей армией). Автор приходит к выводу о том, что Россия, избравшая германскую модель, не смогла последовательно воплотить ее в жизнь прежде всего из-за низкого уровня грамотности социальных низов. Это сказалось на качественном составе призывников в царскую армию, и как следствие – их нелояльном отношении к воинской службе и царским властям.

Ключевые слова: вооруженный народ, воинская повинность, идентификация с армией, милитаризация

Для цитирования: Волкова И.В. Российское военное строительство на фоне милитаризации стран союзников и противников и его испытание войной // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2019. Т. 18. №. 1. С. 11–30. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-1-11-30>